ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, 2021, том 91, № 7, с. 616–626

С КАФЕДРЫ ПРЕЗИДИУМА РАН

СТРАТЕГИЯ США В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРОПОРЯДКЕ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ

© 2021 г. Ф. Г. Войтоловский

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

E-mail: seadog@imemo.ru

Поступила в редакцию 16.04.2021 г.
После доработки 16.04.2021 г.
Принята к публикации 22.04.2021 г.

В статье анализируются международно-политические, экономические и военно-политические условия трансформации подходов руководства и политических элит США к осуществлению стратегии глобального лидерства. Автор показывает, как экономические, политические и идеологические предпосылки изменения положения США в мире влияют на внешнеполитическую идеологию и практику демократических и республиканских администраций, на подходы Вашингтона к выработке и осуществлению стратегии национальной безопасности. Особое внимание уделено подходам правительства США к отношениям с КНР и Россией. Рассматриваются ключевые тенденции в американской политике на российском направлении в период правления администраций Б. Обамы, Д. Трампа и первые месяцы президентства Дж. Байдена.

Ключевые слова: США, внешняя политика, стратегия национальной безопасности США, отношения США и КНР, отношения России и США, международная безопасность, глобальная конкуренция, взаимозависимость.

DOI: 10.31857/S0869587321070148

На протяжении последних 10–15 лет руководство США, вне зависимости от того, какая администрация находилась у власти – демократическая или республиканская, последовательно решали одну и ту же стратегическую задачу – долгосрочное сохранение американского глобального лидерства. Государственное руководство США на уровне стратегических документов неоднократно формулировало необходимость его поддержания и противодействия попыткам поставить его под сомнение. Вашингтон стремится противодействовать любым региональным и глобальным процессам и действиям других держав, подмывающих американские власть и влияние в тех или иных сферах. Цель поддержания лидирующих позиций Соединённых Штатов в международной политике, мировой экономике, в сфере глобальной безопасности стала важной частью внешнеполитической риторики президентов, госсекретарей и других официальных лиц. Сама постановка подобной задачи обусловлена не только субъективными особенностями мессианской внешнеполитической традиции, но и имеет под собой существенные экономические и политические основания.

ВОЙТОЛОВСКИЙ Фёдор Генрихович – член-корреспондент РАН, директор ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ – СОХРАНЕНИЕ ЛИДЕРСТВА США

Необходимость решения такой идеологической по сути задачи американский истеблишмент осознал и сформулировал на доктринальном уровне сразу после окончания холодной войны – тогда для её решения не было существенных пре-

пятствий. Затем ситуация в мире стала меняться, американское лидерство столкнулось с новыми внутренними и внешними вызовами. Мир меняется быстрее, чем могли себе вообразить представители американской элиты после завершения конфронтации с СССР, которое было интерпретировано как победа США, их союзников, их идей и ценностей. По большей части эти трансформации способствуют сокращению возможностей безраздельного американского доминирования. В отличие от 1990–2000-х годов, которые в американской политологической литературе и публицистике принято называть "однополярным моментом"[1], когда американское могущество казалось безраздельным и вечным, США всё чаще сталкиваются с нарастающей конкуренцией со стороны других ведущих держав. На протяжении последнего десятилетия ключевой здесь стала роль КНР, экономическое и политическое влияние которой вышло за пределы АТР.

Иллюзии американского научно-экспертного сообщества и истеблишмента 1990-х годов о безальтернативности и беспредельности лидерства США в развитии процессов глобализации и формировании институтов, норм и принципов глобального управления растаяли в 2010-е годы под влиянием объективных изменений, произошедших в мировой экономике и связанных с укреплением новых центров её развития. Не последнюю роль в этом сыграл мировой финансово-экономический кризис 2008–2010 гг., источником которого послужила именно экономика США и действия американских финансовых регуляторов. Тогда впервые пошатнулась вера элит других стран в устойчивость не столько американской экономики – она практически восстановилась через несколько лет благодаря успешному преодолению кризиса и рецессии, – сколько в мощь государственных институтов США [2].

Предпринятые в 2000-х годах республиканскими администрациями Дж. Буша-мл. попытки строить "мир посредством силы" [3] и закрепить особый статус США на основе создания монополии на применение военной силы в глобальных масштабах также столкнулись с существенными ограничениями, прежде всего внутреннего характера. Американский налогоплательщик оказался не готов нести расходы за участие вооружённых сил США и их союзников "за морями". Определяющим фактором здесь стал финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. и последовавшая за ним рецессия, а затем – политически и идеологически мотивированное стремление администрации Б. Обамы завершить непопулярные военные кампании и перераспределить государственные расходы в пользу решения социальных задач.

Кроме того, американское общество психологически трудно справлялось с гибелью своих сограждан в Афганистане и Ираке, а также с социальными и иными проблемами ветеранов. Через эти войны с 2001 г. прошло более 3 млн американских военнослужащих. С одной стороны, это дало вооружённым силам США бесценный боевой, транспортно-логистический, организационный и психологический опыт, а с другой – впервые после войны во Вьетнаме американцы столкнулись с такими проблемами, как гибель, ранения и увечья американских военнослужащих за рубежом, посттравматический синдром и психологические и социальные проблемы ветеранов и их семей. Стоимость войны в Афганистане в период с 2001 по 2019 г. по военным расходам превысила 778 млрд долл. Помимо этого, затраты государственного бюджета США на помощь в государственном строительстве в этой стране, создании инфраструктуры, новой афганской армии и полиции, решении гуманитарных проблем превысила 2 трлн долл. [4]. Военная кампания в Ираке, а также программы помощи в восстановлении государственности в этой стране с 2003 по 2019 г. стоили для государственного бюджета США практически столько же – 838 млрд долл. военных расходов и около 2 трлн долл. в совокупности с другими расходами [5]. Главным политическим итогом двух чрезвычайно затратных военных кампаний стало снижение авторитета США как сверхдержавы, способной решать любые проблемы глобальной и региональной безопасности.

Однако задача удержать лидирующие позиции там, где это возможно, и сохранить их на годы пока не кажется значительной части американской элиты утопичной. Она подпитывается как тем, что взаимосвязана с поддержанием могущества значительных групп экономических и политических интересов не только в самих США, но и транснациональных элит во многих регионах мира, так и логикой существования, развития и воспроизводства мощнейших государственных институтов. Поэтому высока вероятность того, что ещё несколько десятилетий американским руководством будут предприниматься и систематические, и спорадические усилия для сохранения на долгосрочную перспективу превосходства США и их отрыв от потенциальных конкурентов, даже если логика решения этой идеологической задачи будет противоречить американским интересам.

Несмотря на то, что средства достижения этой долгосрочной цели при президентах-демократах Б. Обаме (2009–2017) и Дж. Байдене (с 2021 г.) существенно отличаются от тех, к которым прибегала республиканская администрация Д. Трампа (2017–2021), общая логика определения амери-

[1] Термин впервые ввёл в оборот американский политический публицист Чарльз Краутхаммер в 1991 г. в одноимённой статье [1].

канских интересов и действий не претерпела существенных изменений. США стремятся сохранить за собой примат одновременно в финансово-экономической, международно-политической, научно-технологической и инновационной, военно-силовой и идеологической сферах, а также во всех видах деятельности, имеющих глобальное значение. Однако формы и методы достижения этой цели существенно варьируются. Да и размывание основ американского лидерства происходит далеко не теми темпами, которые предрекали многие политические публицисты как в самих США, так и за их пределами.

ПОЗИЦИИ США В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Соединённым Штатам удаётся успешно поддерживать особый статус самой мощной экономики мира – рынка, привлекательного для экспортёров и инвесторов из других стран. По данным МВФ за 2020 г., ВВП США составил 22.68 трлн долл. в текущих ценах, Китая – 16.64 трлн долл. (плюс Гонконг 0.36 трлн долл.), Японии – 5.38 трлн долл., Германии – 4.32 трлн долл., Индии – 3.05 трлн долл., России – 1.71 трлн долл. [6]. США продолжают сохранять значительный рыночный и политический потенциал влияния на процессы ценообразования на мировом рынке нефти и крупнейших региональных рынках газа. Произошедшая в конце 2000-х – начале 2010-х годов “сланцевая революция” позволила США не только обеспечить в значительной степени свою энергетическую независимость, но и стать одним из крупнейших мировых экспортёров сырой нефти и газа [7].

Значительное превосходство США сохраняется в области воспроизводства высококвалифицированных трудовых ресурсов и человеческого капитала в целом[2], в создании инновационных товаров и услуг, развитии фундаментальной и прикладной науки. Национальные расходы США на НИОКР в 2019 г. составили 621 млрд долл. (2.9 ВВП), КНР – 322 млрд (2.2% ВВП), Японии – 165.8 млрд (3.3% ВВП), ФРГ – 119.5 млрд (3.1% ВВП), России – 18.7 млрд (1.1% ВВП)[3].

США сохраняют господство в мировых финансах: доллар остаётся ключевой мировой резервной валютой, его позиции тверды – в долларах номинировано свыше 40% мировых расчётов в торговле товарами и услугами, а также более 62% резервов центральных банков ведущих мировых держав. Федеральная резервная система США – американский национальный регулятор – влияет на всю мировую банковскую систему, опосредованно – на финансовые системы других стран, их монетарную политику, курсы валют, ставки национальных банков. Американские инвестиционные фонды и транснациональные банки остаются крупнейшими инвесторами и субъектами глобальных фондовых рынков [8]. Представления некоторых экономистов о том, что у доллара могут возникнуть альтернативы, а его роль как наиболее востребованной глобальной валюты резко снизится, пока не находят подтверждения. В евро хранятся лишь немногим более 20% резервов центральных банков мира, в японских йенах – 5.7%, в британских фунтах – 4.4%, на китайский юань приходится 2% [9].

Многими экспертами, в том числе в самих США, в качестве системно значимых для поддержания американского глобального экономического лидерства периодически поднимаются вопросы растущего дефицита американского государственного бюджета и гигантского американского госдолга. По данным Комитета по бюджету Конгресса США на 2021 г., дефицит бюджета составляет 2.3 трлн долл. и превышает годовой ВВП США. Его росту способствовали беспрецедентные меры, предпринятые администрацией Д. Трампа для преодоления социально-экономических последствий пандемии COVID-19 и стимулирования роста американской экономики. Однако высока вероятность того, что уже в 2022–2023 гг., в случае нормализации эпидемической обстановки, возобновления роста экономики (реально он начался уже в 4 квартале 2020 г.) и увеличения налоговых поступлений, дефицит бюджета сократится. Само его наличие не нарушает устойчивости экономики. Напротив, США на протяжении многих десятилетий использовали его как важный инструмент стимулирования экономического роста и социальных инвестиций. Ещё более существенным дисбалансом американской экономики в научной литературе и публицистике принято считать госдолг США, который составляет на середину 2021 г. более 28 трлн долл. [10]. Однако драматизм этой проблемы, которая, безусловно, носит системный характер, не стоит преувеличивать. Лишь в случае нового кризиса, сопоставимого с кризисом 2008–2010 гг., государственный долг США может стать важным негативным фактором для американского рынка ценных бумаг. Гигантский госдолг обеспечивается в полном объёме государственными собственностью и другими активами, а по большому счёту – всей американской экономикой, в том числе её транснациональной частью, и не может быть затребован ни внешними, ни внутренними кредиторами единовременно даже в сколь-либо значимой части. Он размещён в государственных дол-

[2] Национальные расходы США на образование в 2019 г. составили 6.2% ВВП (на душу населения – 4 тыс. долл.), расходы на здравоохранение – 17.1% ВВП (расходы на душу населения превысили 11 тыс. долл.). Все показатели рассчитаны ИМЭМО РАН по данным World Bank Group, WDI Database.

[3] Показатели рассчитаны ИМЭМО РАН по данным World Bank Group, WDI Database.

говых обязательствах и других ценных бумагах с различными сроками погашения.

Кроме того, структура самого госдолга и состав его держателей обеспечивают его устойчивость и безопасность для экономики США как государственного инструмента стимулирования экономического роста и развития. Крупнейшим держателем госдолга США выступают монетарный регулятор в лице Федеральной резервной системы. Держателями значительной части государственного долга являются также федеральные фонды США, например, фонд социального страхования, пенсионные фонды, которые с помощью государственных ценных бумаг гарантируют безопасность своих средств, американские штаты и города, а также другие частные юридические и физические лица внутри США – банки и страховые компании. Несмотря на то, что внешняя часть госдолга существенна – на нее приходится около 25%, страны, являющиеся держателями государственных ценных бумаг США, сами заинтересованы в стабильности тех инструментов, в которых размещены их средства. Примечательно, что КНР на протяжении многих лет сохраняет позиции второго (на КНР приходится 1.09 трлн долл., а отдельно на Гонконг – 223.9 млрд долл.) после Японии (1.27 трлн долл.) по объёму вложенных средств кредитора США, регулярно закупающего американские государственные облигации и другие ценные бумаги [11].

Однако в сфере торговли товарами и услугами, в том числе высокотехнологичными, положение США динамично меняется. Ведущие экономики Западной Европы и Япония с 1970-х годов, Республика Корея – с 1990-х, а КНР к концу 2010-х – началу 2020-х годов, сохраняя глубокую экономическую взаимозависимость с США в сфере технологий, инвестиций и доступа к американскому рынку, смогли сформировать конкурентный потенциал на многих рынках товаров и услуг, в том числе инновационных. Они стали значимыми игроками в международной торговле, заняли высокие позиции в международной системе разделения труда, а связанные с ними ТНК начали играть важную роль в глобальных цепочках добавленной стоимости. Благодаря значительной концентрации финансовых ресурсов не только страны, связанные с США союзническими отношениями в военно-политической сфере, но и Китай превратились в крупных экспортёров прямых иностранных инвестиций [12].

Американское могущество весьма велико в формировании новых высокотехнологичных рынков. Однако ТНК из США уже столкнулись с нарастающей конкуренцией со стороны европейских, китайских, южнокорейских компаний. Со странами-союзниками США – такими как ФРГ и Франция, а также между США и ЕС, Японией, Республикой Кореей вырабатываются трудные компромиссы, которые позволяют регулировать конкуренцию [13]. Между США и КНР на протяжении правления администрации Д. Трампа шла торговая война, которая дала основание многим экспертам говорить о возможности “разделения” (de-coupling) взаимозависимости между двумя крупнейшими экономиками мира. Однако единственной сферой, в которой удалось реально осуществить размежевание, стала торговля высокотехнологичными товарами, в особенности связанными с технологиями двойного назначения; в определённой мере этот процесс затронул ряд областей, где китайские производители уже начали вытеснять американские компании даже с внутреннего рынка самих США. Динамика торговли высокотехнологичной продукцией между США и Китаем планомерно снижалась с 2019 г.: по данным Офиса торгового представителя США, в 2020 г. китайский экспорт такой продукции в США упал до 119 млрд долл. (174 млрд долл. в 2018 г.), а американский – в Китай сократился с 39 млрд долл. в 2018 г. до 29 млрд долл. по итогам 2020 г. [14].

Евросоюз, Китай, Япония и Республика Корея стали активными игроками на мировых рынках инноваций благодаря увеличению затрат на исследования и разработки [15]. Китайские компании смогли подняться на новую высоту в иерархии международной системы разделения труда, создав прямую конкуренцию, в том числе тем ТНК американского происхождения, инвестиции и технологии которых в предшествующий период позволили создать для них основу развития. Особенно ярко это проявляется в таких областях, как микроэлектроника, телекоммуникация и связь, создание компьютерной техники, IT-сектор и развитие цифровых платформ [16]. Администрация Дж. Байдена продолжает предпринимать шаги в направлении, которое было чётко намечено его предшественником Д. Трампом, – открыто и планомерно создавать технологические, торговые, финансовые и иные ограничения для китайских компаний, действующих в этих секторах. Наиболее показательными жертвами такой политики в 2019–2020 гг. стали компании Huawei, ZTE, а с начала 2021 г. – Xiomi, SMIC, Phytium. Практика применения Вашингтоном неэкономических методов с целью противодействия технологическим и экономическим конкурентам в глобальных масштабах в ближайшие годы будет расширяться, и КНР – их стратегическая цель. США уже начали активно привлекать к такой политике своих союзников и партнёров – страны ЕС, Канаду, Японию, Тайвань, которые, однако, стремятся сохранить торговые и иные связи с китайскими высокотехнологичными компаниями и не во всём готовы содействовать американцам.

Ещё одним глобальным преимуществом США, позволяющим американским компаниям быть ключевыми игроками на многих рынках товаров и услуг, оставаться ключевыми инвесторами во многих регионах мира, на протяжении многих десятилетий остаётся существование вынесенной за пределы территории США производственной и иной инфраструктуры транснационального капитала американского происхождения. Функционирование этой "второй экономики" США опирается на огромные транспортно-инфраструктурные и коммуникационные возможности – свободный выход к трём океанам, лидерство США в возникновении и развитии Интернета и возможность всегда защитить свои торговые и инвестиционные интересы с помощью военной силы. В ближайшее десятилетие ни Китай, ни одна другая страна не сможет создать что-либо сопоставимое или существенно ограничить американские транспортно-логистические возможности.

МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВОЕННЫЕ УСЛОВИЯ БОРЬБЫ США ЗА ГЛОБАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО

Международно-политическое положение США меняется более динамично, чем экономическое. США по-прежнему остаются глобальной державой, опирающейся на союзников в Европе и Азии, а также партнёров во всех регионах мира, оказывающей значительное влияние на принципы и механизмы деятельности большинства регулирующих международно-политических и экономических институтов. Но, по сравнению с ситуацией, сложившейся после окончания холодной войны, распада Советского Союза, ликвидации Организации Варшавского договора, Совета экономической взаимопомощи, идеологического и политического поражения международного коммунистического движения, глобальное политическое и идейно-ценностное влияние США в мире уже существенно снизилось и по многим признакам продолжает снижаться. Отчасти это связано с разочарованием элит и обществ многих стран в американской версии либеральных ценностей и политических принципов, которые в 1990-е – начале 2000-х годов служили для них своего рода образцом организации политической системы. Этот путь прошли Россия и Турция, отчасти ряд стран Восточной Европы, в первую очередь Польша и Венгрия. Прозелитизм американской политики распространения демократии, который зачастую прикрывал внешнеполитические интересы и устремления США, стал одним из источников дискредитации идейно-политического влияния США в мире [17]. Попытки реанимировать глобальное идеологическое значение американских ценностей и принципов сейчас предпринимает администрация Дж. Байдена, вернувшаяся к старой концепции "сообщества демократий" и создаваемых им институтов как ценностно-ориентированной альтернативе всеобщим институтам. Высока вероятность, что новое дыхание во внешней политике США обретёт идея глобальной борьбы "рыночных либеральных демократий" во главе с США против "нерыночных не демократий" (в первую очередь России и КНР).

Изменения, происходящие в мире, а также внутренние тенденции социального, экономического и политического развития США создали условия, для того чтобы американский государственный аппарат, элита и научно-экспертное сообщество осознали и поставили задачу выработки новой модели взаимодействия с союзниками, партнёрами и оппонентами Вашингтона. В этой логике начался поиск практических средств поддержания лидирующих позиций США в различных сферах деятельности, а также новых стратегических ориентиров для американской внешней политики и политики безопасности. Внешнеполитическим истеблишментом и руководством США такие цели всегда формулируются не только в рамках прагматичного понимания национальных интересов, но и в ценностной модальности – с точки зрения глобальной "миссии" по распространению набора ценностей, которые лежат в основе американской государственности.

Несмотря на снижение политического и идейно-ценностного влияния, Америка сохраняет безусловный приоритет в военной сфере. В первую очередь – в обладании мощнейшим высокотехнологичным военным потенциалом, подкреплённым системой баз и другой военной инфраструктурой, вынесенной за пределы территории США. Лишь в ракетно-ядерной сфере сохраняется паритет с Россией. Продление Договора о мерах по ограничению и сокращению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ) создало гарантии того, что хотя бы в отношении стратегических ядерных сил (СЯС) Россия и США ещё пять лет будут сохранять свои потенциалы на уровне 1550 боезарядов и 700 носителей. Хотя по другим видам вооружений и военной техники США существенно превосходят Россию, именно стратегические наступательные вооружения – ядерная триада – остаются тем средством, которое пока надёжно гарантирует поддержание паритета в отношениях между двумя державами. Россия обладает научно-технологическими заделами и материально-технической базой, позволяющей поддерживать свои СЯС на уровне, сопоставимом с американским, как минимум на период сохранения режима ДСНВ. Возможно, этого удастся добиться и на более долгую перспективу, если будет создан режим нового договора с сопо-

ставимыми количественным потолками и качественными ограничениями. Для России было бы крайне затруднительно в экономическом отношении быть вовлечённой в новую гонку вооружений, если Вашингтон примет решение о выходе из ДСНВ и резком наращивании своих СЯС в сочетании с развёртыванием других систем, нарушающих баланс сил. Однако при администрации Дж. Байдена такой сценарий выглядит маловероятным. Нынешнее распределение приоритетов военного бюджета США предполагает постепенную модернизацию СЯС, без резкого наращивания количества ядерных боезарядов и носителей. Однако если Вашингтон продолжит курс на одновременное военное сдерживание РФ и КНР, такая необходимость может возникнуть.

У США и России появляется всё больше видов вооружений, размывающих стратегическую стабильность в российско-американских отношениях: гиперзвуковые и ракетно-планирующие системы, стратегические ракеты в неядерном оснащении, высокоточные обычные вооружения, аэробаллистические ракеты большой дальности, в том числе в ядерном оснащении, боевые автономные беспилотные воздушные и морские системы, способные нести ядерное оружие. Развиваются также технологии кибер-атак и радиоэлектронной борьбы [18]. Однако ни один из этих видов вооружений и военной техники как минимум в ближайшие пять лет не может существенно повлиять на баланс стратегических сил между Москвой и Вашингтоном. Главный фактор, способный резко дестабилизировать стратегическую стабильность и существенно обострить отношения России и США, – размещение американских ракет средней дальности в ядерном оснащении в Европе и Тихоокеанской Азии, которое планировала администрация Д. Трампа, принимая решение о выходе из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД).

КНР обладает значительно меньшим стратегическим ядерным потенциалом, зато Народно-освободительная армия Китая вооружена ракетами средней и меньшей дальности наземного базирования, которыми не располагают ни Россия, ни США [19]. Они были ликвидированы после заключения ДРСМД в 1987 г. Несмотря на то, что США развернули работы по созданию таких систем сразу после выхода из этого договора, а вероятно, ещё до него, до постановки этих систем на вооружение пройдёт несколько лет. Для Пекина ракеты средней дальности, в том числе в ядерном оснащении, – ключевой инструмент противодействия американской военной мощи в АТР: эти вооружения способны полностью обезвредить ВМС США и уничтожить американские базы в регионе в случае войны. Выход Соединённых Штатов из ДРСМД был нацелен в первую очередь на сдерживание Китая. Размещение ракет средней дальности наземного базирования в Тихоокеанской Азии может позволить Вашингтону дополнить стратегические силы ядерного сдерживания средствами промежуточной (средней) и меньшей дальности. Дислоцирование таких систем в Европе позволило бы существенно сократить подлётное время до территории России, снизить живучесть её СЯС и механизмов командования и контроля. Однако и в том и в другом случае решение о размещении таких систем будет означать резкое усиление военно-политической напряжённости.

Резкий рост военного бюджета Китая, который увеличился с 2009 по 2019 г. в 2 раза и достиг 266.9 млрд долл. – почти 27% американского военного бюджета (718.6 млрд долл.[4]), давно стал предметом озабоченности и опасений Пентагона. Разработка Китаем широкого спектра вооружений и военной техники, в том числе систем, направленных на сдерживание американской военной мощи в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а в перспективе и в более широких масштабах, позволяют американским военным оценивать КНР в качестве второго своего важнейшего противника. Народно-освободительная армия Китая уже в ближайшие годы способна превратиться в военного противника армии США номер один – за исключением СЯС она им уже стала. В перспективе 10–15 лет военный потенциал Китая может стать сопоставимым с США по ряду вооружений и военной техники, а также по некоторым количественным и качественным характеристикам вооружённых сил. Такие прогнозные оценки уже зафиксированы в американских военно-стратегических документах.

Восстановление военного потенциала России и рост военных возможностей КНР явились фактором, сыгравшим важную роль в понимании американским политическим истеблишментом и военными новых пределов военного могущества США. В случае с Россией имели значение два обстоятельства. Во-первых, сохранение российских стратегических наступательных вооружений, которые в случае военного конфликта остаются единственным реальным источником угрозы для безопасности территории и жизнеспособности военного потенциала США. Сохраняя военный бюджет на уровне в 10 и более раз меньшем, чем военные расходы США, России удалось осуществить модернизацию стратегической ядерной триады, разработать новые наступательные и оборонительные системы, в том числе в ядерном оснащении [21]. Во-вторых, продемонстрированная российским руководством и вооружёнными силами готовность к вовлечению в региональные конфликты и использованию военной силы за рубежом, проведению крупных экспедиционных

[4] Данные СИПРИ, по ППС [20].

операций, показала Вашингтону, что США больше не обладают монополией на применение военной силы (в одиночку или с союзниками).

Лидирующие позиции США в области обычных вооружений в ближайшие годы могут пошатнуться под напором нарастающей военной мощи КНР. Американское лидерство пока оспаривается преимущественно по количественным показателям. Например, общая численность боевого состава ВМФ КНР в 2019 г. впервые превзошла численность американского флота. На начало 2021 г. у США было 293 боевых корабля, а у КНР уже 350 [22]. Укрепление же потенциала России и КНР на таких перспективных направлениях, как создание гиперзвуковых систем, повышение эффективности ПРО, развитие высокоточных обычных вооружений дальнего радиуса действия, ударных беспилотных летательных аппаратов, систем радиоэлектронной борьбы, а также других передовых видов вооружений и военной техники уже в среднесрочной перспективе может ограничить американское превосходство в нескольких областях. Несмотря на громадный военный бюджет США и существенные вложения в НИОКР военного и двойного назначения, поставленная администрацией Трампа и, судя по всему, сохранившая свою актуальность задача одновременного политического и военного сдерживания России и КНР на долгосрочную перспективу может оказаться для Вашингтона трудновыполнимой.

Однако надо иметь в виду, что факторы, ограничивающие способность США проецировать силу в глобальных масштабах, могут носить не только внешний характер. Вследствие войн в Афганистане и Ираке в американском обществе и политической элите сформировались заметные группы противников активного использования вооружённых сил США за рубежом. Эти группы давления, их влияние в Конгрессе, СМИ и обществе будут в ближайшие годы оставаться фактором, сдерживающим новые военные инициативы как демократических, так и республиканских администраций, за исключением точечных военных операций с использованием авиации, в том числе беспилотной. Несмотря на готовность США к широкому применению дистанционных средств ведения боевых действий, таких как использование бомбардировщиков, крылатых ракет воздушного и морского базирования и других высокоточных систем, которую уже подтвердила администрация Дж. Байдена в феврале 2021 г. в Сирии, вероятность массированного применения Вашингтоном военной силы “за морями”, тем более включающего проведение наземных операций, резко снизилась.

Сегодня США стремятся решать многие силовые задачи посредством проведения гибридных операций. Они подразумевают лишь ограниченное применение военной силы в разном соотношении с другими средствами (в зависимости от характера противника и конкретной цели). Например, действия специальных подразделений и проведение спецопераций могут дополняться использованием частных военных компаний и других негосударственных игроков, кибернетическими атаками, информационно-психологическими, финансово-экономическими и иными мерами воздействия. Важным способом усиления экономических, политических и психологических эффектов гибридных операций служат санкции и другие экономические ограничительные меры. Гибридный формат позволяет осуществлять системное воздействие на противника без вступления в прямое военное столкновение или в столкновение с применением военной силы в ограниченных масштабах [23]. На протяжении многих лет этот инструментарий отрабатывался США наряду с военными средствами “распространения демократии” и смены режимов.

Сокращение возможностей применения Вашингтоном военной силы без рисков возникновения крупных военных конфликтов с вовлечением ведущих региональных и мировых держав, включая Россию, а в перспективе и КНР, а также внутриполитические факторы в ближайшие годы повлекут за собой расширение практики гибридных операций. Они всё чаще будут дополняться другими силовыми по сути, но невоенными по форме средствами давления, важнейшими из которых становятся финансово-экономические и иные санкции. Можно ожидать, что администрация Дж. Байдена более успешно, чем администрация Д. Трампа, сумеет привлекать к таким кампаниям европейских союзников.

КИТАЙ И РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ США

На уровне внешнеполитических установок большинства американских стратегических документов последних лет получили отражение позиции значительной части политической элиты США вне зависимости от партийной принадлежности, в соответствии с которыми главными противниками и конкурентами Соединённых Штатов являются в первую очередь Китай и Россия. На протяжении последних шести–семи лет произошёл постепенный переход Вашингтона на концептуальном политическом уровне, а также в области военного планирования к стратегии двойного сдерживания – КНР и РФ.

В Стратегии национальной безопасности 2015 г. и других стратегических документах, принятых администрацией Б. Обамы, подход к России и Китаю ещё был разным. Россия неоднократно названа “агрессором”, нарушившим территориальную целостность Украины и потенциально

угрожающим другим соседним странам [24, p. 2, 4, 25], а Китай обозначается как “растущая держава” и важный партнёр США, который вызывает озабоченность Вашингтона лишь в связи с осуществляемой военной модернизацией [24, p. 1, 4, 24]. Но уже в Стратегии 2017 г., принятой республиканской администрацией Д. Трампа, акценты расставлены иначе. Китай и Россия открыто называются “соперниками” США, и именно они угадываются, когда в тексте Стратегии речь идёт об американских “противниках”. Характеристики, которые даны в документе как России, так и КНР, существенно ужесточаются – оба государства описываются как “ревизионистские державы”, которые противостоят американским интересам и ценностям [25, p. 25], стремятся к распространению своего влияния в глобальных масштабах и осуществляют агрессивные приготовления и действия по отношению к национальной безопасности США и их союзников в Европе и Азии [25, p. 2, 27, 45]. Благодаря двухпартийному консенсусу, который в значительной степени сложился по поводу необходимости одновременного сдерживания России и Китая, такой подход уже получает развитие на уровне первых стратегических документов администрации Дж. Байдена.

В принятом в марте 2021 г. “Промежуточном обзоре национальной безопасности”, который готовился в качестве альтернативы Стратегии национальной безопасности администрации Д. Трампа, не только воспроизводятся прежние формулировки в отношении России и КНР, но, более того, обе наши страны характеризуются в качестве “авторитарных” противников, стремящихся поставить под сомнение безопасность США и их союзников [26, p. 6, 8, 14]. При этом в документе говорится о необходимости диалога с Россией и Китаем по проблемам контроля над вооружениями и другим вопросам безопасности [26, p. 13].

Не приходится ожидать, что стратегические оценки и подходы Вашингтона на российском направлении изменятся в ближайшие годы. Отношения России и США приобрели характер стабилизировавшегося конфликта, при котором каждая из сторон не заинтересована в его силовом развитии и переходе в военную стадию, но в любой момент готова к политической эскалации. Отношения начали приобретать характер не столько конкуренции, сколько противоборства по отдельным направлениям с начала 2010-х годов и обвально ухудшились в связи с украинским кризисом в 2014 г., распространяясь на всё новые сферы взаимодействия, включая военное планирование США/НАТО и России.

В последующие годы, в особенности после 2016 г., когда некоторые представители американских спецслужб и часть политического истеблишмента обвинили Россию во вмешательстве в президентские выборы в США, отношения двух стран ещё более ухудшились и стабилизировались в этом состоянии. Несмотря на то, что Москве и Вашингтону удаётся достигать компромиссов по отдельным вопросам, в целом США продолжают линию на стратегическое сдерживание России, не только военное, но и политическое, экономическое, технологическое.

США приняли ряд мер системного характера с целью оказать политико-психологическое воздействие на российскую экономику, общество, деловую и политическую элиту посредством финансово-экономических, технологических и политических санкций и других ограничений. Такие меры начали предприниматься ещё до украинского кризиса и присоединения Крыма к России – первым шагом здесь стал принятый в декабре 2012 г. Акт Магнитского, – но с 2014 г. санкции последовательно расширялись администрациями Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена. Несмотря на заявления представителей американского руководства о возможности снятия санкций в случае тех или иных действий Москвы, уже к концу 2016 г. стало очевидно, что в действительности их введение никак не связано с российской политикой, они носят систематический и долгосрочный характер. Санкции направлены в первую очередь на ограничение возможности развития наиболее значимых для присутствия России на внешних рынках отраслей – топливно-энергетического и оборонно-промышленного комплексов, металлургической промышленности, финансового сектора, а также перспективного IT-сектора. Цель этих действий – снизить глобальную конкурентоспособность России, создать условия для возникновения долгосрочных негативных последствий и социально-экономических диспропорций, оказать влияние на внутриполитические процессы в России и её внешнюю политику. В период деятельности администрации Трампа американские санкции получили долгосрочную законодательную фиксацию и дальнейшее развитие после принятия в 2017 г. Закона о противодействии противникам США посредством санкций. Эти шаги подкреплялись антироссийской информационной кампанией в американских и глобальных СМИ, а также действиями Вашингтона, направленными на ограничение сотрудничества с Россией третьих стран, в том числе американских союзников.

В основе противоборства России и США лежат не только разнонаправленные интересы двух стран во многих областях и регионах мира, но существенные различия в ви́дении политическими элитами обеих держав складывающегося миропорядка, иерархии его субъектов и принципов организации отношений между ними. Эти различия

касаются в первую очередь понимания роли и статуса США и Российской Федерации в мире. В сознании американской элиты, вне зависимости от её партийной принадлежности, сформировался устойчивый негативный образ России как реваншистской страны, проигравшей холодную войну, но не смирившейся со своим положением и превратившейся в источник вызовов и угроз для глобального лидерства США, их безопасности и интересов в различных регионах мира.

Особенно важны для Вашингтона стратегические цели противодействия России на европейском направлении. США не могут допустить дальнейшего углубления торговых, инвестиционных, гуманитарных и иных связей между Россией и ЕС. В прежние годы рост взаимозависимости России и ЕС в энергетической сфере рассматривался Вашингтоном в качестве угрозы для американского влияния в Европе и энергетической безопасности союзников. В период деятельности администрации Д. Трампа российское присутствие на европейском рынке газа стало восприниматься как конкурентный вызов в контексте задач расширения экспорта в Европу американского сжиженного природного газа, а также газа, добываемого американскими компаниями на Ближнем Востоке. В этой логике выстроены позиции и действия Вашингтона по поводу реализации проекта “Северный поток-2” и других российских инициатив в области развития сотрудничества со странами ЕС в энергетической сфере.

Фактор “российской угрозы” остаётся одним из важнейших средств поддержания союзнической солидарности и военно-политической консолидации в НАТО. США выступают против наличия у России особых сфер интересов и влияния на постсоветском пространстве. В период деятельности администрации Д. Трампа внимание Вашингтона к постсоветскому пространству несколько снизилось, но с приходом Дж. Байдена оно, вероятно, усилится, учитывая очень жёсткую позицию членов его администрации по кризису на Востоке Украины.

На всём протяжении деятельности администрации Трампа российско-американские отношения не только не улучшались, но продолжали деградировать по ряду важнейших направлений.

Во-первых, остаётся сложной ситуация в сфере военной безопасности и контроля над вооружениями. При Трампе США последовательно сокращали возможности двустороннего диалога, сохранения и развития взаимных обязательств и ограничений. В 2018 г. США вышли из Совместного всеобъемлющего плана действий по ядерной программе Ирана (2015), в 2019 г. – из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (1987) и заявили о планах создания и размещения соответствующих классов ракет в Европе и АТР, в 2020 г. – из Договора по открытому небу (1992). Администрация Трампа едва не сорвала процесс продления ДСНВ. Несмотря на то, что одним из первых шагов Байдена стало продление ДСНВ на пять лет без предварительных условий, перспективы подготовки следующего сопоставимого соглашения пока не просматриваются.

Во-вторых, были усилены санкции и другие ограничительные меры. Количество санкций, введённых в период деятельности администрации Трампа (52 раунда), превысило те, которые были приняты при Б. Обаме (40 раундов). Администрация Дж. Байдена уже в первые месяцы приняла ещё несколько санкций в финансовой, политической и технологической сферах. Благодаря сформированной Конгрессом законодательной основе расширились возможности введения точечных санкций непосредственно министерствами и ведомствами. Усилилось давление Вашингтона на европейских союзников и других партнёров с требованиями выполнять американские санкции, которым придаётся экстерриториальный характер. В ближайшие несколько лет снятие Вашингтоном антироссийских санкций крайне маловероятно, однако американские государственные ведомства обладают инструментарием их относительно гибкого применения – их временное снятие может быть мотивировано интересами национальной безопасности США, которые часто интерпретируются достаточно широко.

В-третьих, противоречия России и США с высокой вероятностью будут нарастать в борьбе за региональные рынки газа, в особенности за европейский, а в перспективе и за азиатский. При этом США, ставшие крупным экспортёром нефти, как Россия и Саудовская Аравия, а также ряд других стран-экспортёров заинтересованы в поддержании средневзвешенной цены на сырую нефть. Это определило готовность Вашингтона достичь компромисса с Москвой и Эр-Риядом по вопросу о цене на нефть в период деятельности администрации Трампа. По всей видимости, эти неформальные договорённости сохранят свою силу и при Байдене. Однако подобное совпадение интересов России и США носит тактический характер. Администрация Байдена, принимая во внимание интересы своих европейских союзников, посылает сигналы о возможном смягчении позиции в отношении “Северного потока-2”, но в долгосрочной перспективе США не откажутся от цели ограничить экспортные возможности России на мировых энергетических рынках.

В ближайшие годы отношения России и США будут испытывать возрастающее воздействие внутренних и международных факторов, причём не обязательно непосредственно связанных с двусторонними отношениями. Особое значение

будет иметь взаимодействие США и КНР в торгово-экономической и военно-политической сферах. Несмотря на относительное смягчение политической риторики администрации Байдена, по сравнению с командой Трампа, в американо-китайских отношениях сформировалась основа для нарастания экономической, технологической и геополитической конкуренции с элементами региональной военно-политической конфронтации при сохранении взаимозависимости в финансово-экономической сфере. Такая взаимозависимость делает КНР более уязвимой, чем США, в случае её нарушения. Это хорошо понимают в Пекине, не только китайский бизнес, но и руководство КНР и КПК осознают риски дальнейшего углубления конфронтации и разрыва с Америкой, несмотря на решения о развитии внутреннего рынка и попытки диверсифицировать рынки сбыта.

Для России на обозримую перспективу возрастающее значение имеет динамика отношений США не только с КНР, но и с ЕС, а также между ведущими европейскими державами и Китаем. Ещё одно важное направление – взаимодействие России с Индией и странами АСЕАН, значение которых в трансформации экономического и политического миропорядка будет только возрастать. В ближайшие годы Вашингтон попытается втянуть Индию в союзнические отношения, основанные на противодействии Китаю. США с высокой вероятностью будут стремиться повлиять на индийское руководство с целью ограничить сотрудничество с Россией, однако здесь остаётся значительное пространство для манёвра, что предполагает существенную активизацию российской политики на индийском направлении.

Несмотря на все трудности, противоречия и высокий уровень конфликтности, в повестке российско-американских отношений остаются сюжеты, представляющие взаимный интерес и открывающие возможности для выработки компромиссов с администрацией Дж. Байдена. Среди них особую важность имеют следующие вопросы:

• контроль над вооружениями и дальнейшие шаги по поддержанию стратегической стабильности и снижению военной опасности, включая выработку мер доверия, предотвращение инцидентов и урегулирование кризисных ситуаций;

• нераспространение оружия массового уничтожения и средств его доставки;

• противодействие международному терроризму и религиозно-идеологическому экстремизму;

• борьба с опасными инфекционными заболеваниями и их последствиями;

• предотвращение природных и техногенных катастроф и преодоление их последствий;

• сохранение природных экосистем и противодействие изменению климата;

• обеспечение безопасности на море, в космическом пространстве и снижение рисков в сфере кибербезопасности.

С точки зрения российско-американского взаимодействия особое значение приобретает диалог не только между внешнеполитическими и военными ведомствами, но и между научно-экспертными сообществами двух стран, а также так называемая дипломатия второго трека. Несмотря на санкции и другие ограничения, значительная часть американских учёных, научных центров и университетов проявляет готовность и заинтересованность в сохранении связей с российскими научно-исследовательскими организациями. Более того, ряд американских специалистов в области общественных наук последовательно и открыто выступает за улучшение отношений между двумя странами в некоторых областях. Как правило, позиция экспертов обусловлена их способностью, в отличие от чиновников и политиков, мыслить на много лет и даже десятилетий вперёд. Они понимают, что мироустройство претерпевает стадию глубокой трансформации и, принимая во внимание складывающиеся тенденции, сомневаются в полезности для США долгосрочной всеобъемлющей конфронтации с Россией.

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ

Статья опубликована в рамках проекта “Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество” по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1991. V. 70. № 1. P. 23–33.
2. *Войтоловский Ф.Г., Журавлёва В.Ю., Борисова А.Р.* Подходы России и США к проблемам глобального управления и реформированию ООН // Пути к миру и безопасности. 2016. № 1(50). С. 7–23.
3. *Кислицын С.В.* Мир посредством силы. Внешнеполитическая идеология и практика американского неоконсерватизма. М.: Весь мир. 2020. С. 118–122.
4. *Almukhtar S., Norland R.* What did the U.S. get for $2 trillion in Afghanistan? // New York Times. 2019. December, 09. https://www.nytimes.com/interactive/2019/12/09/world/middleeast/afghanistan-war-cost.html
5. *Crawford N.* The Iraq War has cost the US nearly $2 trillion // Military Times. February, 06.

https://www.militarytimes.com/opinion/commentary/2020/02/06/the-iraq-war-has-cost-the-us-nearly-2-trillion/

6. IMF GDP, current prices. https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPD@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD/US
7. *Дмитриев С.С.* Энергетическая стратегия США: корректировка приоритетов // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 3. С. 13–23.
8. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития / Отв. ред. В.Б. Супян. М.: Весь мир, 2018. С. 35–36.
9. *Siripurapu A.* The Dollar: The World's Currency. CFR Backgrounder. 2020. September, 29. https://www.cfr.org/backgrounder/dollar-worlds-currency
10. Peterson Foundation National Debt Clock. https://www.pgpf.org/national-debt-clock?utm_term
11. Major Foreign Holders Of Treasury Securities. Department of the Treasury/Federal Reserve Board. March 15, 2021. https://ticdata.treasury.gov/Publish/mfh.txt
12. США – Китай: борьба двух стратегий и практик мирового лидерства / Под ред. И.Я. Кобринской, И.Л. Вартазаровой. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 27–28.
13. *Королёв И.С.* Американоцентризм и многополярность в глобальной экономике (торгово-политический и финансовый аспекты). Анализ и прогноз // МЭиМО. 2020. № 1. С. 12–22. https://doi.org/10.20542/afij-2020-1-12-22
14. Office of the US Trade Representative. U.S.–China Trade Facts. https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china
15. Инновационная конкуренция / Под ред. Н.И. Ивановой. М.: Весь мир, 2020. С. 13–18.
16. *Данилин И.В.* Американо-китайская технологическая война: риски и возможности для КНР и глобального технологического сектора // Сравнительная политика. 2020. № 4. С. 160–176.
17. *Давыдов А.А.* Концепция "продвижения демократии" во внешней политике США // Человек. Сообщество. Управление. 2017. № 4. С. 22–43.
18. Контроль над вооружениями в новых военно-политических и технологических условиях / Отв. ред. А.Г. Арбатов. М.: ИМЭМО РАН, 2020. С. 36–73.
19. *Esin V.* Nuclear Forces of the PRC: Current State and Development Prospects // Russia and America in the 21st Century. 2020. Is. 2. https://rusus.jes.su/s207054760010387-2-1/
20. SIPRI Military Expenditure Database. Data for all countries from 1988–2019 in constant (2018) USD. https://www.sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988%E2%80%932019%20in%20constant%20%282018%29%20USD.pdf
21. Военно-экономическое развитие и безопасность / Под ред. Л.В. Панковой, О.В. Гусаровой. М.: Весь мир, 2020. С. 107–109, 113–122.
22. China has built the world's largest navy. Now what's Beijing going to do with it? // CNN. March 6, 2021. https://edition.cnn.com/2021/03/05/china/china-world-biggest-navy-intl-hnk-ml-dst/index.html
23. *Конышев В., Парфёнов Р.* Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 12. С. 56–66.
24. National Security Strategy of the US – 2015. February. https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf
25. National Security Strategy of the US – 2017. December. https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf
26. Interim National Security Strategic Guidance. March, 2021. https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf